

ПРАКТИКИ «УХОДА» И КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА: ОПЫТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Нынешний этап развертывания процесса глобализации характеризуется резким усилением давления со стороны мировых центров власти, доминирующих в информационном пространстве, на национальные и этнические культуры. Однако наряду с глобализацией и вопреки ей развертывается процесс, охарактеризованный мексиканским мыслителем и поэтом, нобелевским лауреатом О.Пасом как "мятеж исключений", которые, по его словам, не страдают "от своей аномальности или от разрыва с предполагаемым универсальным общим правилом", но напротив, берут на себя "роль единственной истины, воплощения неизбежности".¹ Одним из важных проявлений этого процесса является разработка различных стратегий сопротивления нивелирующим тенденциям глобализации. К их числу относятся и стратегии ухода из зоны повышенного внимания тех, кто пытается достичь цели тотального манипулирования, как отдельными людьми, так и человеческими культурами. Эффект "ухода" достигается, как правило, посредством "погружения" в глубины собственной духовной традиции, сознательного выдвижения на первый план трансцендентных целей, иллюзорных (или, во всяком случае незначимых) с точки зрения тех, кто определяет основные направления развертывания глобализационных потоков. В том, что касается реалий современного мира, можно вспомнить и членов мусульманских общин в условиях "миграционного кризиса" в Европе, повсеместно стремящихся создать на территории европейских государств анклав, живущие в соответствии с основными принципами собственной традиции и нормами шариата, и членов индейских общин Латинской Америки, упорно отстаивающих свою идентичность и воспроизводящих традиционные организационные формы и духовные принципы построения

¹ Paz O. One Earth, Four or Five Worlds. Reflections on Contemporary History. San Diego, New York, London: Harvest/HBJ Book (1986)

собственных общин, в том числе и во враждебной им среде современных городов. Стратегии ухода могут сильно отличаться по степени агрессивности по отношению к внешнему давлению. Но все они так или иначе опираются на древние духовные практики.

Задача данной работы - анализ той части этих, значимых для современности, духовных практик, целью которых является именно уход из мира с тем, чтобы вернуться в него, обретя новые духовные силы. Если человек преследует трансцендентную цель, то она делает человека невидимым, а потому он может спокойно делать то, что должен, ибо никто по-настоящему не понимает, что он делает. И это происходит потому, что становится невозможным найти психологическое объяснение его поступкам, а значит, что становится невозможным и манипулировать им.

Одна из самых известных юнгианских аналитиков Мария-Луиза фон Франц в цикле лекций, прочитанных в Цюрихе в 1974 г., обратила внимание слушателей в этой связи на письма Плиния к римскому императору Траяну. «Плинию было приказано изучить секту так называемых христиан, которых люди считали опасными для государства и обвиняли в подготовке государственного переворота. Он доложил, что отыскал несколько таких людей, включая рабынь, которых он подверг пыткам ... Вместе с тем он пишет: “Мне не удалось увидеть ничего, кроме странных предрассудков, похожих на искаженные суеверия, поэтому я считаю этих людей совершенно безвредными, то есть полагаю, что их можно отпустить”»²

Ранние христиане были непонятны другим людям - их не видели такими, какими они были в реальности, иначе во всей Римской империи началась бы страшная паника. Паника действительно началась, но позже, когда христианское движение стало настолько мощным, что его невозможно было подавить.

² Франц М.-Л. фон. Архетипические паттерны в волшебных сказках / Перев. с англ. В. Мершавки. - М.: Независимая фирма «Класс», 2007, с. 41

Когда в культуру привносится что-то новое и творческое, оно обычно не раскрывается сразу. Общество занято чем-то еще, а спаситель всегда рождается в разрушенном сарае для скота, в то время когда абсолютно никого не волнует, что именно там происходит, - заключает Мария-Луиза фон Франц.³

Невидимость могла быть не только следствием слепоты доминирующей культуры, но и сознательно выбранной стратегией на разрыв (добровольной или вынужденной) с привычным образом жизни и реализованной в самых разнообразных практиках ухода. Ухода, связанного с разрывом с прежней средой обитания (переселением отдельного человека, группы людей, или даже целого народа) в поисках духовного самообретения; ухода в относительную изоляцию, без смены среды обитания в результате коренного изменения основной жизненной ориентации (от радикальной перемены социально-политической позиции, до “ухода в текст” в различных духовных практиках как в рамках религиозных традиций, так и в формах “внутренней эмиграции”)⁴. “Уход - и Возврат” в концепции А.Тойнби представлен как двухтактный ритм творческих актов, вносящих в мир новые смыслы и практики.⁵

Предметом нашего внимания будет легенда о ставшем невидимым сакральном локусе, родившаяся в среде старообрядцев и ее фольклорных версиях. Эти тексты, в которых трансцендентные цели спасения предопределили уход сакрального города из зоны видимости с помощью мистического вмешательства Бога и природной стихии (воды, земли), оказывали притягательное влияние на воображение самых разных представителей русской культуры - от крестьян до видных деятелей культуры.⁶

³ Там же, с.44

⁴ Шемякин Я.Г. Шемякина О.Д. «Уход - и - Возврат»: социокультурная стратегия и реальность истории. проект исследовательской программы // Исторический журнал; научные исследования № 2 (8) 2012, с. 8

⁵ Там же с. 7

⁶ Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. - М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004, с. 713-826

Почему этот образ схоронившегося, сокровенного объекта может быть актуален и сегодня? Он появился в результате глубокой травмы традиционной культуры, нанесенной модернизацией. Для современного исследователя важен характер ухода, который предопределил характер «возвращения» - выпавший из земного профанного времени, замерший и уснувший для реального времени, в буквальном смысле провалившийся объект может внезапно проснуться, когда земное время подойдет к своему пределу.

Блуждающий в потемках внешний мир и светлый мир праведников удваивали реальность. Реальность выпавшего мира незаметна не только потому, что мало кто мог вступить в визуальный контакт с ним, но и потому, что этот мир в буквальном смысле незаметен и будничен - в течение кратного мига можно было увидеть лошадь, возницу, телегу, услышать крик петуха или мычание коров. Фрагменты повседневности, внезапно появляющиеся и исчезающие, подтверждали реальность существования ушедшего в инобытие города. А сакральная атрибутика города проявлялась в излучении света, сиянии, горении - знаках-символах сакрального центра и исходящей из него духовной энергии, которая призвана утвердить власть света над тьмой.⁷

Пребывание в инобытии связано с некоей табуированной тайной, которая открыта только тем, кто способен, пройдя через испытание, достичь входа в сакральный центр. Представление о сакральном центре, воплощенном в мыслеобразах пещеры и лабиринте уходит корнями в глубокую архаику. Они обнаруживает себя в таких сложных философско-религиозных учениях как Упанишады, в мифологических системах многих других народов, представляя собой по существу универсальный знаковый комплекс.⁸ Достижение самой внутренней и самой скрытой точки можно, преодолевая болота и топи (в русских легендах о «провалищах»), или

⁷ Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. - М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004, с. 77

⁸ Генон Рене. Символы священной науки. Пер. с франц. - М.: Беловодье, 2002, с. 229-275

двигаясь мысленно по изображению лабиринта. А сама центральная точка может быть реальным физическим объектом - пещерой, центром озера, криптой, а также духовным центром - "пещерой сердца".

Однако спуск вниз и подъем наверх из глубин мог быть связан не только с обретением света, но и с сошествием во Ад и подъемом на поверхность inferнальных сил. И если в легендах о Китеже водная стихия являлась убежищем от сил хаоса и источником обновления, то в петербургском тексте культуры вода могла отождествляться со злым началом, эсхатологическими ожиданиями и отражать ту часть петербургского мифа, которая также родилась в результате травмы. На поверхности, на линии горизонта оказываются два мира, одинаково доступные для зрения - мир городских обывателей и inferнальный мир. Мертвецы, покойники, скелеты разгуливающие по ночному, сумеречному, туманному городу стали для Петербурга (и в устных преданиях и в литературе) такой же достопримечательностью как приведения старинных английских замков, - пишет А.Некрылова.⁹ "Когда читаешь подряд рассказы, повести, романы XIX - начала XX вв., создается впечатление, что далекие по времени и убеждениям писатели были уверены в существовании двойного населения северной столицы, что в отличие от других городов и весей умершие здесь не покидают своих домов, улиц, департаментов, продолжают пребывать рядом ...

Грань между миром живых и миром покойников в Петербурге настолько тонка и проницаема, что обитатели мира иного то и дело вторгаются в жизнь и дела здравствующих, и никто не застрахован от такой встречи. Город-мираж, город-призрак, город-обман существовал на самой границе России, на пограничье жизни-смерти, яви-сна, рациональности-фантазии, ума-безумия, реальности-инобытия, т.е. в тех

⁹ Некрылова А. Народная демонология в литературе. Материалы к словарю // Власова М. Русские суевия: Энциклопедический словарь. - СПб.: Азбука, 1998, с. 646

пограничных временных и пространственных зонах, где появляется и фольклорная нечисть”.¹⁰

Спасением сакрального локуса и разведением параллельно существующих на линии горизонта миров в наше время для части реального человеческого сообщества является уход из зоны видимости вследствие нового понимания движения к трансцендентной цели. Если в России Декарт сошел с ума, то духовной опорой может стать обретение евразийского мирознания,¹¹ активирующего древние духовные практики Востока, обладающие особой оптикой и ресурсами соединения разных человеческих миров. Евразийский опыт активизации подобных практик имеет особое значение для современного мира, характерной чертой которого является нарушение целостности духовных основ всех цивилизаций планеты.

¹⁰ Некрылова А. Народная демонология в литературе. Материалы к словарю // Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. - СПб.: Азбука, 1998, с. 646-647

¹¹ Малявин В. Евразия и всемирность. - М.: РИПОЛ классик, 2015